

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-33-39
УДК 32(045)

Советский опыт: ресентимент, образец или актуальное направление научного изучения?*

А.И. Сперкач

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблематике научного изучения так называемых «сильных сторон» СССР. Автор констатирует наличие объективных сложностей при обращении к данной теме, демонстрирует ее фактическое присутствие не только в сфере публичного пространства, но и в современных зарубежных аналитических работах, даже не имеющих прямого отношения к истории Советского Союза. Отмечается диалектика формальной хронологической ограниченности данной проблематики и ее смыслового выхода за рамки советского периода. Автор постулирует относительность определения «сильных сторон» СССР и зачастую их непосредственную связь с теми сторонами действительности, которые можно определить как «слабые». «Сильные» стороны СССР рассматриваются через общий посыл об их общности, во всяком случае, частичной, в рамках российской цивилизационной модели и частичной же преемственности по отношению к России современной. Автор намечает целый ряд характеристик, релевантных определению «сильные стороны» СССР: фактическая преемственность советского государственного образования (его «историзм»); размеры территории; численность населения; устойчивые идеологические и пропагандистские паттерны, обеспечивающие поддержку Советского Союза за рубежом; идеократичность, интернациональный состав и высокая степень политической консолидации элит, их нацеленность на модернизацию, повышение общего образовательного уровня широких слоев населения.

Ключевые слова: СССР; Запад; геополитика; ресентимент; российская цивилизация; идеология; идеократия; элиты; политическая консолидация

Для цитирования: Сперкач А.И. Советский опыт: ресентимент, образец или актуальное направление научного изучения? *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):33-39. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-33-39

ORIGINAL PAPER

Soviet Experience: Ressentiment, Pattern or Actual Course of Scientific Research**

A.I. Sperkach

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper considers of scientific research issues of the so-called strengths of the USSR. The author states aim difficulties when addressing this topic, demonstrates its actual presence not only in the sphere of public space but also in modern foreign analytical works, even those that are not directly related to the history of the Soviet Union. The research noted the dialectic of the formal chronological limitation of this problem and its semantic going beyond the Soviet period. The author postulates the relativity of the definition of the strengths of the USSR and often their direct connection with those aspects of reality that can be defined as weak. The strengths of the USSR are considered through a general message about their commonality, at least partially, within the framework of the Russian civilizational model and partial continuity in relation to modern Russia. The author outlines several characteristics relevant to the definition of the strengths of the USSR: the actual continuity of the Soviet state education (its historicism); the size of the territory; population; stable ideological and propaganda patterns that provide support for the Soviet Union abroad; ideocracy, international composition and a high degree of elites' political consolidation, their focus on modernization, raising the general educational level of the population.

Keywords: USSR; West; geopolitics; resentment; Russian civilization; ideology; ideocracy; elites; political consolidation

For citation: Sperkach A.I. Soviet experience: Ressentiment, pattern or actual course of scientific research. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):33-39. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-33-39

* Название проекта – «Исторические основы российской государственности в советский период: принципы и ценности отношений власти и общества». Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (код научной темы FZRS-2022-0003) в рамках государственного задания ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва».

** The title of the project is “The Historical Foundations of Russian Statehood in the Soviet Period: Principles and Values of Relations between Power and Society”. This work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (scientific code FZRS-2022-0003) within the framework of the state task of the Moscow State University. N.P. Ogarev”.

За последние десятилетия в сфере публичных обсуждений разной направленности и разного уровня противопоставление достижений («сильных сторон»), характерных для СССР, и «слабости», «деградации» России постсоветского периода является устоявшимся стандартом, практически трюизмом. При этом вполне естественно формируется волна противоположного оценочного контента, отрицающая или дезавуирующая наличие чего-либо «сильного», «достойного подражанию» или «эффективного» в советской истории.

Для обоих направлений характерен своеобразный глубоко укорененный ресентимент, который вполне можно определить как двусторонний или зеркальный: апологетически настроенные по отношению к советскому периоду участники очных или заочных дискуссий соотносят негативные переживания и соответствующую аргументацию с периодом крушения советского проекта после 1985(1991) г.; их оппоненты отличаются зеркальным восприятием действительности, отыскивая корни современных проблем и кризисов в неизжитом наследии СССР.

Доля научного в данном двустороннем процессе невелика, однако устойчивый в течение долгого времени феномен служит одним из индикаторов высокой степени актуальности подобной проблематики.

Однако опыт СССР сегодня востребован не только в России, и не только в публичных дискуссиях. Он находится в фокусе внимания в актуальных политических исследованиях, даже прямо не затрагивающих советскую или российскую историю. В качестве примера можно сослаться на доклад RAND Corporation (исследовательской организации, работающей по заказам руководящих государственных структур США), касающийся современных американо-китайских отношений, в котором канувший в историю уже более 30 лет назад Советский Союз упомянут более 70 раз [1]. Динамика противостояния между Россией и Западом в последние годы также повышает градус интереса к опыту СССР, что вполне естественно в нынешней кризисной ситуации.

Под «сильными сторонами» СССР следует понимать практики и факторы, которые обуславливали возможность успешной, достаточно длительной разнонаправленной конкуренции между СССР и Западом в условиях несопоставимого стартового проигрыша советского режима по многим ключевым социально-экономическим позициям.

Более того, Советский Союз даже в период расцвета заметно уступал своим западным политическим противникам по многим показателям. Если рассматривать в данном контексте не только Запад сам по себе, но и колониальные империи, затем — страны (используя устаревшую дефиницию) Третьего мира, которые в основном обслуживали экономику Запада, разрыв окажется еще более впечатляющим. Между тем десятилетиями Советский Союз удерживал статус одной из двух мировых сверхдержав. Несомненно, для этого необходимо было наличие объективно существующих «сильных сторон».

Период существования СССР делится на несколько периодов, характеризующихся общей идеологической связностью и политической преемственностью, но не во всем совместимых между собой, в том числе с точки зрения наличия «сильных сторон». Тут следует обозначить следующие: а) 1922–1929 гг., б) 1930–1953 гг., в) 1953–1984 гг., д) 1985–1991 гг., которые при более детальном разборе необходимо «дробить» на подпериоды, имеющие свои важные особенности. В контексте заявленной темы обращение к периодизации важно потому, что «сильные стороны» СССР по преимуществу отыскивают во втором и третьем из указанных периодов. Это верно только отчасти, так как многие базовые принципы, раскрывшиеся в практической сфере впоследствии, были присущи Советскому государству уже к началу 20-х гг. XX в.

Для научных, даже самых общих подходов к заявленной теме, серьезным препятствием является детерминированно высокая степень личных мировоззренческих предпочтений исследователей, влияющая на их оценки и выводы. Разумеется, в общественных науках невозможно полностью избавиться от субъективного фактора, однако в данном случае он проявляется особенно остро.

Политическая эффективность (если делать акцент именно на ней) всегда является относительной и никогда не бывает изолированной от экономического, социального и других направлений общественного бытия. Очевидна их взаимосвязанность и взаимообусловленность. Если говорить о сфере национальной, следует диалектически учитывать и национальную политику, проводимую в СССР, и исторически сложившиеся национальные особенности в рамках единого конгломерата наций СССР.

«Сила» и «слабость» в указанном контексте являются относительными и в том смысле, что

они требуют понимания взаимодействия с иными акторами международных отношений и компаративного анализа «сильных» и «слабых» сторон этих акторов.

Необходимо учитывать и то, что «сильные стороны» во многих случаях детерминировали или активизировали стороны «слабые», и наоборот. Именно поэтому эти определения следует воспринимать не только относительно, но и с большой долей условности, что делает уместным заключение их в кавычки.

При развернутом масштабе осмысления проблемы следует выходить за хронологические рамки существования Советского государства. Необходимо учитывать динамику развития СССР, когда стороны одного исторического периода, которые можно было бы охарактеризовать как «сильные», зачастую преобразовывались в очевидно «слабые» в иных обстоятельствах.

Так, например, высокая вертикальная управляемость разных сторон жизни, характерная для большей части истории советского общества, позволяла добиваться концентрации ресурсов на заданных направлениях, но могла приносить результат только при стратегическом единстве политической элиты.

В условиях, когда политические элиты осуществляли ошибочные или заведомо деструктивные шаги, в системе власти не оказывалось адекватных сил, которые могли бы служить реальным противовесом «утвержденным сверху» директивам, какими бы они ни были. Более того, по принципиальным позициям оказывались невозможными или затруднительными содержательные дискуссии между различными кластерами самой элиты, которые в лучшем случае подменялись персональными договоренностями отдельных акторов. Верховная власть в советской политической реальности превращала статус лидера государства в пожизненный, который можно было поколебать только посредством переворота, как это и происходило в реальности. Итогом такого положения стало то, что советский правящий класс, номенклатура, по определению Милована Джиласа, оказалась «верхушечной структурой без корней», которая отгородилась от общества [2]. Поэтому ее свержение на рубеже 80-х — 90-х гг. XX в. произошло исключительно просто, не вызвав, по сути, никакого значимого общественного противодействия. По тем же основаниям несколько ранее необыкновенно легко и просто происходил демонтаж внешне монолитного и казалось бы

исключительно прочного тоталитарного сталинского режима.

Все вышеизложенное в совокупности подразумевает настоятельную необходимость многоуровневого анализа и комплексности исследований, обращенных к заявленной теме.

Учитывая сделанные оговорки, «сильными сторонами» СССР на протяжении большей части его истории можно признать целый ряд объективных характеристик.

1. Следует отметить такое качество, которое можно определить как **историчность** советского политического образования. Хронологически и по характеру решаемых задач «архетипически» СССР оказался вписан в гораздо более обширный цивилизационный контекст. Во всяком случае, начиная с 30-х гг. XX в. фактор исторической преемственности объективно действовал в качестве центростремительной силы (скорее, в таком качестве он начал проявляться ранее — со времени советско-польской войны 1919–1921 гг.). Вопреки настойчивому желанию противопоставить себя исторической России, СССР по факту оказался ее правопреемником, что имело целый ряд практических последствий. Советская элита получила в свое распоряжение исторически сложившуюся территорию. Данное обстоятельство являлось важнейшим фактором легитимизации режима, гораздо более значимым, чем формальная юридическая легитимность. Кроме того, наличие исторической традиции государственности является значимым ресурсом, осознанным или неосознанным, способствующим политическому сплочению как элит, так и широких масс населения. Примеры практического целенаправленного конструктивного использования образов и стигматов «проклятого прошлого» советским режимом накануне и в ходе Великой Отечественной войны слишком хорошо известны, чтобы на них отдельно останавливаться даже с чисто иллюстративными целями.

При этом политический историзм (в том смысле, в каком он используется в настоящей статье), выигрышный для общества со многих точек зрения, имел и негативные стороны. Историческая аргументация, исторические образы и архетипы способны поддерживать не только центростремительные, но и центробежные тенденции, питать традиции сепаратизма и местного национализма, провоцировать межэлитные и межэтнические трения. Исторические архетипы часто инерционны и создают некие шоры в восприятии меняющегося мира, когда качественно иные ситуации

и конфликты тракуются с точки зрения давно неактуальных реалий.

2. Огромная территория — важнейшая геополитическая, по своей сути, характеристика, позволившая СССР развиваться и в некоторые периоды своей истории просто выжить. Размеры страны определили разнообразие ресурсов и, безусловно, явились преимуществом, «сильной стороной». В критический период Великой Отечественной войны именно размеры были одним из критически необходимых для победы факторов.

Если говорить, например, о выпуске легендарного Т-34, только наличие в глубине огромной страны промышленных центров позволило СССР последовательно пережить потерю единственного предприятия, которое производило танк изначально, в 1940 г. (Харьковский завод № 183); затем — потерю другого важнейшего предприятия — СТЗ (Сталинградский тракторный), второго, освоившего выпуск машины до войны и крупнейшего производителя «тридцатьчетверок» во второй половине 1941 — начале 1942 г. [3].

Среди негативных последствий огромных территориальных масштабов СССР: малая связность регионов страны, затруднения с сосредоточением различных видов ресурсов, в том числе военных, транспортные издержки, чисто управленческие сложности, особенно с учетом высокой степени концентрации всех видов власти, характерной для Советского Союза (как и в целом для исторической России). Усугублял ситуацию континентальный характер СССР, незначительное количество и удаленность от центра незамерзающих портов.

На современном этапе, с одной стороны, территориальный фактор стал играть гораздо меньшую роль, с другой — она все еще очень существенна. Не случайно ключевыми игроками современной глобальной и региональной политики являются страны, выделяющиеся размерами: США, КНР, РФ, Индия, Бразилия. Данное обстоятельство ни в коем случае не является случайным.

3. Численность населения — еще одна «сильная сторона» СССР. Информация, приводимая в монографии Е.В. Хохлова, свидетельствует о том, что в 1939 г. численные ресурсы Советского Союза почти в четыре раза превосходили ресурсы Германии и в полтора раза — США. Разумеется, данные цифры не полностью отражают ситуацию, которую нельзя трактовать упрощенно («арифметически»), так как требуется учитывать связность ресурсов, коэффициент мобилизации, производительность труда, наличие и соотношение

различных хозяйственных укладов и т.д. Однако факт остается фактом: данный критерий в той или иной степени весь период существования СССР играл в его пользу [4].

4. Идеология Советского Союза имела сразу несколько практически выгодных сторон, которые следует определить как «сильные». СССР весь период существования декларировал, а часто и фактически проводил в жизнь идеи, которые были созвучны чаяниям значительных групп населения за его пределами. Тут можно упоминать набор антиколониальных постулатов, все сказанное и реально сделанное для разрушения колониальных империй и поддержки национально-освободительных движений по всему миру. Процесс этот имел много нюансов и требует множества оговорок. Например, не создавал ли СССР параллельно некую другую империю, вводя в фарватер своей политики те или иные страны и народы? (В данном случае подразумевается негативная коннотация слова «империя», что отнюдь не является детерминированным). Насколько соответствовала провозглашенным идеологическим и пропагандистским идеалам «равенства народов» фактически созданная в СССР система политической иерархичности, неравноправности представителей различных этносов? Или практики позитивной дискриминации в отношении к прежней титульной нации? Однако факт остается фактом: антиколониальный пафос советской идеологии и во многом вытекающей из нее практической политики обеспечивал СССР мощную поддержку как среди элит, так и в массовом сегменте по всему миру. Насколько мощное «оружие» находилось в руках советской элиты, красноречиво свидетельствуют данные о численном соотношении населения метрополии и всей Британской империи по состоянию на 1939 г.: 47,5 млн чел. против 386,5 млн чел. [4].

В более общем смысле сами по себе крайне популярные теории социализма и коммунизма, коренного переустройства мира были значимой «сильной стороной» Советского Союза. Притягательность таких идей, связанных с СССР или ассоциировавшихся с нашей страной, побуждала многих представителей западной элиты порой даже с риском для жизни работать на Советский Союз. Тут достаточно вспомнить хрестоматийную историю «Кембриджской пятерки» — идейные и мировоззренческие основания ее действий в пользу СССР разобрал, например, английский исследователь Роджер Скрутон, отметивший абсолютное преобладание в ней представителей социальных верхов, «сливок» британского общества [5].

Можно констатировать, что сегодня история отчасти повторяется. Россия оказалась в буквальном смысле на передовой борьбы за многополярный мир, категорически отвергаемый западными элитами. Между тем данная идея объективно отражает интересы подавляющей части населения Земли, да и большинства граждан наиболее богатых и экономически развитых стран Европы и США. Нельзя не согласиться с Ф.А. Лукьяновым, отметившим высокую степень раздражения на планете Западом в целом [6]. Раздражение это не позволило нынешнему мировому гегемону (или главному претенденту на эту роль) оперативно собрать в антироссийскую коалицию кого-то еще, помимо группы официальных союзников и единомышленников. При этом рычаги воздействия и лоббирования Запада — исключительно мощные и эффективные, но даже они в данной ситуации, по большому счету, пока не сработали. И дело тут не в симпатиях к Российской Федерации как таковой. Россия в настоящий момент не располагает многим из того, что было в Советском Союзе, в том числе в области идей и возможности глобального идеологического проникновения. Однако у российских элит уже есть потенциально сильная позиция, позволяющая иметь по всему миру искренних сторонников.

5. СССР, изначально создаваемый как некая («строго научная») утопия, был обречен на высокую степень **идеократичности** — как в своих внешних проявлениях, так и в действиях, направленных на само советское общество. Говоря об идеократичности СССР, следует подчеркнуть, что это качество не являлось уникальным. Вероятно, оно является необходимым для любых устойчивых политических систем — данный вопрос нуждается в дополнительном изучении. Однако эсхатологический (по крайней мере, по отношению к «старому миру») связанный набор идей периода образования и становления СССР как тоталитарного государства детерминировал ярко выраженную идеократичность данного политического образования. Это обстоятельство со своей стороны способствовало формированию такого качества СССР, как идеологически обоснованная и административно обеспеченная способность к сверхмобилизации. Обратной стороной в данном случае явилось относительное безразличие к цене и потерям, которые требовались для решения принципиальных политических задач.

В более общем смысле классический подход приоритета целого над частным оказался в рамках

российской цивилизации эффективным и в советский период, даже если многие ипостаси целого оказывались утопичными и ложными.

Мессианская политическая идеология достаточно долго позволяла Советскому Союзу сохранять относительную самостоятельность на идейном поле и иметь свою суверенную картину мира и модель развития, причем исключительно привлекательные в глобальном масштабе. Полагаю, нельзя не согласиться с исследователем, который утрату СССР способности конкурировать с Западом, в том числе в экономической и технологической сферах, посчитал результатом «деградации идеологических основ социалистического общества» [7, 8].

6. Традиционный для российской цивилизации **интернациональный состав элит** был характерен и для СССР. Внутрицивилизационная связь здесь слишком очевидна: нет смысла приводить хорошо известные данные об этническом составе дворянского сословия России, или, в более узком смысле, правящей элиты Российской империи, или высших партийных органов, министерств и ведомств различных советских периодов. Отметим, что данная особенность характерна не только для СССР, но и для современной России. Слабостью в данном случае является крайняя сложность, иногда невозможность этнической мобилизации как элит в целом, так и значительной части титульного населения, во всяком случае, вне авторитарного или тоталитарного контекста целенаправленного политического администрирования.

С другой стороны, в том числе и по причине указанной особенности элит России и СССР, представители нетитульной нации часто в кризисные моменты оказываются «фронтами» в деле защиты российской цивилизационной идентичности и опорой российской государственности. Тут широкая историческая связь может идти от отсылки к значению тюркского и мусульманского служебного элемента периода Московского царства, благоприятного для России бурятского фактора на Дальнем Востоке в длительный период вхождения этого этноса в состав российской цивилизации к массовому героизму представителей различных народов в годы Великой Отечественной войны. Как продолжение данной исторической традиции следует отметить и роль на современном этапе чеченских формирований и лично Рамзана Кадырова — одного из наиболее радикальных лидеров общероссийского патриотического движения.

7. Следствием указанных выше особенностей, но и самостоятельным фактором, является **высокая степень политической консолидации** советских правящих элит на протяжении большей части истории СССР. В разные периоды эта консолидация имела различное содержание и различную степень интенсивности. Разумеется, понятие политической консолидации всегда является относительным, что верно и для СССР. Политическая борьба непременно существует в любых, самых сплоченных и монолитных элитах. Яркой иллюстрацией к данному тезису являются наблюдения Милована Джиласа за советскими лидерами сталинского периода, для которых была характерна междоусобная «ужасная, непрекращающаяся борьба на всех направлениях» [9].

Однако сочетание жестких идеологических рамок, жесткой бюрократической вертикали подчинения, репрессивных методов поддержания политического единства привело к тому, что стратегическое единство политической элиты было характерно для СССР большой период его существования.

8. Необходимо выделить изначальную и устойчивую **нацеленность на модернизацию** правящих элит Советского государства. В ее рамках огромное внимание уделялось науке и образованию. Здесь будет вполне уместна отсылка к хрестоматийному описанию Гербертом Уэллсом изначальных подходов Советской власти, когда в голодающей стране, положение которой «ужасно и бедственно», «сотни людей работают над переводами, их переводы набираются и печатаются, и, быть может, благодаря этому новая Россия так глубоко ознакомится с сокровищницей мировой мысли, что оставит позади все другие народы» [10].

Другой не менее яркой иллюстрацией к вышесказанному являются письма с Восточного фронта Готхарда Хейнрици. Генерал Вермахта с нескрываемым отвращением описывает все, что его окружает в России 1941 г. Тем более примечательна следующая его оценка: «Лишь одна вещь тут в России является высококачественной — школьные здания. Большие, светлые, просторные

и чистые без исключений. Даже в самой маленькой деревушке школа хорошо оснащена материалами для преподавания физики» [11].

Отдельного замечания заслуживает то, что в самые тяжелые периоды огромное значение в СССР придавалось развитию «непроизводительных» общественных наук и культуры. Понимание важности гуманитарных наук, культуры, настойчивые попытки сделать научные достижения достоянием масс, повысить их образовательный уровень — одна из характерных «сильных сторон» СССР. Тут уместно опять сослаться на Герберта Уэллса, отмечавшего полное безразличие власти имущих США и Англии к духовной деградации народных масс [9].

При всех оговорках социальная сфера, в том числе повышение уровня общественного потребления, социальные гарантии для населения, для советских элит являлись целью и средством конкуренции с Западом. Насколько позволяли материальные ресурсы, этой сфере уделялось значительное внимание, и социальные достижения СССР в целом можно охарактеризовать как грандиозные.

Прямое воспроизведение советского опыта, при всей его исторической и практической ценности и относительной хронологической близости к сегодняшнему дню, зачастую невозможно или нерационально. Только отчасти и опосредованно он может быть интегрирован в современность с пользой для страны и народов, ее населяющих. При этом советский опыт — тот учебник, который необходимо внимательно анализировать современным российским политикам и исследователям. В какой-то степени необходимость его, пусть и частичной, интеграции в современность детерминирована нынешним положением вещей. Таким образом, изучение «сильных сторон» СССР не является чисто историческим или теоретическим по содержанию. Именно научный подход к данной проблематике позволит определить границы практического воспроизводства тех или иных его сторон и сможет избавить как от безоглядного копирования, так и от безусловного отрицания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Heath T.R., Gunness K., Finazzo T. The Return of Great Power War: Scenarios of Systemic Conflict Between the United States and China. Santa Monica, CA: RAND Corporation; 2022.
2. Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь»; 1991.
3. Ермолов А.Ю. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: ООО «Литера-С»; 2009.

4. Хохлов Е. В. Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета; 2005.
5. Скрутон Р. Дураки, мошенники и поджигатели: Мыслители новых левых. Пер. с англ. М.: Издательский Дом ВШЭ: Политическая теория; 2021.
6. Лукьянов Ф. А. Неожиданный индикатор перемен. *Россия в глобальной политике*. 2022;20(4):5–8.
7. Zubok V.M. Collapse: The Fall of the Soviet Union. New Haven: Yale University Press; 2021. 576 p.
8. Истомин И. А., Неклюдов Н. Я., Сушенцов А. А. Вперёд в прошлое? Возвращение истории. *Россия в глобальной политике*. 2022;20(5):38–54.
9. Джилас М. Разговоры со Сталиным. Франкфурт-на-Майне: Посев; 1970.
10. Уэллс Г. Россия во мгле. Пер. с англ. М.: ООО «ТД Алгоритм»; 2015.
11. Хюртер Й., ред. Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записях генерала Хейнрици. Пер. с нем. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

REFERENCES

1. Heath T.R., Guinness K., Finazzo T. The Return of Great Power War: Scenarios of Systemic Conflict Between the United States and China. Santa Monica, CA: RAND Corporation; 2022.
2. Voslensky M. Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union. Moscow: “Soviet Russia” joint with MP “October”; 1991. (In Russ.).
3. Ermolov A. Yu. Tank industry of the USSR during the Great Patriotic War. Moscow: ООО “Litera-S”; 2009. (In Russ.).
4. Khokhlov E. V. The military economy of the USSR on the eve and during the Second World War. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House; 2005. (In Russ.).
5. Scruton R. Fools, swindlers and arsonists: Thinkers of the new left. Transl. from English. Moscow: HSE Publishing House: Political Theory; 2021. (In Russ.).
6. Lukyanov F.A. An unexpected indicator of change. *Russia in global politics*. 2022;20(4):5–8. (In Russ.).
7. Zubok V.M. Collapse: The fall of the Soviet Union. New haven: Yale University Press; 2021. 576 p.
8. Istomin I. A., Neklyudov N. Ya., Sushentsov A. A. Forward to the past? The return of history. *Russia in global politics*. 2022;20(5):38–54. (In Russ.).
9. Djilas M. Conversations with Stalin. Frankfurt am Main: Sowing; 1970.
10. Wells G. Russia in the dark. Transl. from English. Moscow: LLC “TD Algorithm”; 2015. (In Russ.).
11. Hürter J., ed. Notes on the war of extermination. Eastern Front 1941–1942 in the notes of General Heinrici. Transl. from German. St. Petersburg: European University Press in St. Petersburg, 2018. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Иванович Сперкач — кандидат исторических наук, старший преподаватель департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Alexander I. Sperkach — Cand. Sci. (Hist.), Senior Lecturer, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6399-5162>

sperksperk@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.09.2022; принята к публикации 15.10.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.09.2022; accepted for publication on 15.10.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.